

Колдовские *Миры*

ЕКАТЕРИНА КАБЛУКОВА

ЛЮБОВЬ ДРАКОНА

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К12

Разработка серии А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на переплете С. Дудина

Каблукова, Екатерина.

К12 Любовь дракона / Екатерина Каблукова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-100543-6

Эмбер Доусон — дочь обедневшего дворянина, давно смирившаяся с участью старой девы. Ее жизнь скучна и размеренна, а все надежды отец и мачеха возлагают на младшую, красавицу Люси.

Герцог Амстел — высший дракон. Он богат и влиятелен, его прошлое хранит много тайн.

Одна роковая ночь, один проигрыш в карты — и участь Люси решена, а договор, согласно древним обычаям, подписан кровью. Сможет ли Эмбер обыграть дракона и спасти свою сестру? И чем эта игра обернется для нее самой?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Каблукова Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100543-6

Глава 1

Эмбер Доусон устало потерла глаза и выпрямила спину. Потом отложила иголку и скатерть, которую она пыталась заштопать в неровном свете единственной свечи. Камин в гостиной почти полностью прогорел, и в комнате было сыро. Темнота по углам скрадывала то, что шелк, которым были обиты стены комнаты, давно выцвел, портьеры на складках протерлись, а золотые кисти бахромы обтрепались. Чтобы сохранить мебель, ее зачехлили, и теперь у комнаты был абсолютно нежилой вид.

Девушка оглянулась, подбросила угля из почти пустого ведерка и с досадой поморщилась, Корнелия опять будет недовольна. Мачеха не первый год пыталась соблюдать экономию, но денег все равно не хватало. В результате слугам постоянно задерживали жалованье, и они очень быстро уходили. В доме оставалась лишь кухарка, сварливая старуха, которая помогала и по хозяйству.

Эмбер прислушалась, стараясь различить что-нибудь кроме завывания ветра за окнами. Ей послышалось, что к крыльцу подъехал эки-

паж. Вскоре в холле раздался шум, возвещающий о том, что Корнелия с дочерью вернулись домой. Дверь жалобно скрипнула, затем хлопнула, и они обе вошли в гостиную.

Даже сейчас, в свои тридцать восемь, Корнелия все еще была красива. Ее собственная дочь и младшая сестра Эмбер, Люсинда, не смогла в свой первый сезон затмить мать красотой. Та любила повторять, что ее дочери не хватало светского лоска, а о падчерице и вовсе говорить было нечего.

Мачеха искренне считала внешность Эмбер весьма заурядной. Конечно, она не обладала фарфоровой кукольной красотой Люси. Но живость и обаяние делали старшую из сестер весьма приятной особой, а острый ум и начитанность — замечательной собеседницей.

Всего этого Корнелия просто не замечала. Едва падчерице минуло девятнадцать, она стала считать ее старой девой, поэтому у мадам Доусон и мысли не возникло взять Эмбер на бал, где они развлекались. Вернее, развлекалась Люси. Корнелия была недовольна тем, что ей пришлось вывозить дочь самой, еще и на простой деревенский бал. Она надеялась на сезон в столице, но денег почти не осталось, а кредиторы все еще ждали их появления.

— Эми! — Девушка, вернее, еще совсем девочка, подбежала к старшей сестре. Бальное платье из белого муслина, украшенное голубыми, в цвет глаз, лентами, ей удивительно шло, и Эмбер невольно залюбовалась этой картиной. — Ты пред-

ставляешь, я не просидела на скамейке ни одного танца!

Старшая сестра улыбнулась почти детскому восторгу:

— Это же замечательно! Хочешь чаю?

— Если он будет таким, как вчера, то не стоит.

Корнелия скривилась и буквально рухнула на кушетку. Ее падчерица сжала губы, чтобы не возразить, что чай остыл, пока та переодевалась к обеду. Эмбер давно поняла, что возражать мачехе бессмысленно. У той всегда своя версия происходящего. Проще промолчать.

Почувствовав напряжение сестры, Люси начала рассказывать о приеме. Видя, как сияют ее глаза, Эмбер невольно начала улыбаться. В свое время она была лишена такого удовольствия, как посещение балов, поскольку Корнелия, проводя все сезоны в столице, даже не озаботилась тем, чтобы вывести падчерицу в свет. Та была представлена лишь местному дворянскому обществу, которое знала уже много лет.

Мадемуазель Джонсон, гувернантка Эмбер, была уволена, как только ее старшей воспитаннице исполнилось семнадцать. Корнелия посчитала расточительством держать учителя, поскольку падчерица, переняв знания мадемуазель Джонсон, вполне могла обучить сестру.

Эмбер старалась, насколько могла, но учительница из нее получилась весьма посредственная. При всей любви к сестре ей не хватало терпения вновь и вновь повторять одно и то же. Люси прекрасно рисовала, неплохо пела, у нее был очень

аккуратный почерк. На этом таланты младшей сестры заканчивались. Впрочем, красота и доброе сердце с лихвой окупали недостатки.

Эмбер, напротив, при достаточно, как она считала, неброской внешности обладала пытливым умом. Самым большим удовольствием для нее было уединиться с книгой. Хотя, к своему стыду, в последнее время она предпочитала новомодные романы, где главная героиня, с честью пройдя все испытания, счастливо выходила замуж.

Подали чай. Люси все еще с увлечением рассказывала о бале, Корнелия, поджав губы, слушала эти восторженные возгласы, а Эмбер судорожно придумывала, какие причины заставили ее пропустить этот бал.

На самом деле все было просто: она устала. Устала от своего скудного, вечно перешиваемого гардероба, устала от местных кумушек, мнивших себя лучшими подругами ее покойной матери и потому позволявших себе постоянно поучать ее и, самое противное, сватать любому, как им казалось, подходящему кандидату.

Сейчас таких оставалось двое: толстый вдовец, бывший торговец, купивший имение неподалеку и подыскивавший себе аристократическую жену, и заядлый холостяк Ярдли, который уже неоднократно делал Эмбер двусмысленные предложения.

Поскольку девушка не желала общаться ни с одним из упомянутых выше кандидатов, она предпочитала оставаться дома, ссылаясь то на неважное самочувствие, то на неотложные дела. Корнелия, прекрасно понимая свою выгоду в не-

замужней падчерице, добровольно выполнявшей обязанности экономки, не возражала. Люси же всегда верила тому, что говорила старшая сестра, и, пожелав ей скорейшего выздоровления, садилась в карету, чтобы отправиться на бал или раут.

Эмбер не обижалась на нее, прекрасно понимая эгоизм, свойственный юности. Сама она считала, что сестре еще рано выезжать в свет, но не смогла переубедить отца, решившего, что лишь удачный брак Люси может поправить их дела. Он заявил об этом в своей слегка ленивой манере за обедом, в один из дождливых осенних дней.

Из-за протекающей крыши в столовой было сыро, не спасал даже хорошо протопленный камин. Отец с завистью поглядывал на жену и дочерей, кутающихся в шали. Курица в тот день оказалась пережаренной, а суп — пересоленным, и лишь когда перешли к десерту, отец заявил, что его младшей дочери настало время выехать в свет. Корнелия с улыбкой покивала головой, подтверждая слова мужа, а Эмбер с удивлением переводила взгляд своих зеленых глаз с отца на мачеху:

— Но ведь ей всего шестнадцать!

Она сразу пожалела о своих так опрометчиво вырвавшихся словах, поскольку сама Люси обиженно надула розовые губки, а отец разразился длинной малопонятной тирадой. Корнелия же с неприятной улыбкой посоветовала падчерице не завидовать младшей сестре по поводу внешности и смириться с тем, что в свои двадцать шесть лет она уже вряд ли получит предложение и останется старой девой.

Эмбер едва сдержалась, чтобы не бросить вилку с ножом на тарелку. Лишь хорошие манеры, привитые мадемуазель Джонсон, много лет прожившей в имении и уделявшей воспитанию девочек немало времени, позволили ей избежать опрометчивого поступка. Она нашла в себе силы пробормотать извинения, после чего внимание отца и мачехи вновь перекинулось на Люси и обсуждение ее нарядов.

Движимая беспокойством за сестру, Эмбер попыталась переговорить с отцом наедине, но он лишь отмахнулся и посоветовал дочери заниматься хозяйством. С отчаянием она смотрела, как для Люси перешиваются старые наряды Корнелии, как сияют от предвкушения небесно-голубые глаза сестры.

В это время Эмбер несколько раз пыталась разобратся, не завидует ли она красавице сестре, но понимала, что не променяла бы ни бельевую, ни кухню на красоту, за которую придется платить нежеланным замужеством. Оставалось лишь уповать, что Люси повезет.

С началом зимнего сезона Доусоны начали вывозить младшую дочь в свет. Балы сменялись ассамблеями и утренними визитами к новообретенным подругам, у которых были старшие братья. К удивлению сначала отца, а потом и самой Корнелии, к середине сезона Люси не получила ни одного предложения.

Эмбер, наученная горьким опытом, не вмешивалась в их злые разговоры за обедом, предпочитая быстрее выйти из-за стола. Она не любила

отца, питая к нему лишь уважение, положенное главе семьи. По правде сказать, он был для нее практически незнакомцем, в доме которого она жила. Полностью подчиняясь желаниям своей красивой жены, он игнорировал дочерей, предоставив их заботам сначала гувернантки, а затем — самой Корнелии.

Атмосфера становилась все более напряженной. Долги росли. Портниха в ближайшем городе дважды отказывалась перешивать очередное платье, и лишь умелые уговоры мадемуазель Доусон подвигли эту строгую даму взяться за работу в долг. Измученная придирками Корнелии, требовавшей подавать в столовую лишь иностранные блюда, кухарка уже три раза грозила уйти.

Эмбер выбивалась из последних сил, пытаясь сгладить напряжение между слугами. Она осунулась и побледнела, под глазами залегли темные круги.

— Милая, уж не заболели ли вы? — поинтересовалась Фанни Марлинг, встретив ее в городе, куда Эмбер выехала за покупками.

Они столкнулись в модной лавке, где девушка по поручению мачехи забирала очередной отрез кружев. Пышнотелая матрона, имевшая трех дочерей на выданье, госпожа Марлинг была заядлой сплетницей, поэтому Эмбер предпочла ограничиться общими фразами о том, что плохо спала.

— По-моему, дорогая, у вас инфлюэнца. У моей Изабель она была в прошлом сезоне, нам даже пришлось из-за этого перенести ее представление ко двору!

Девушка пробормотала несколько подобающих случаю сочувственных слов и попыталась выйти, но Фанни Марлинг уже вдохновилась.

— А вы знаете, дорогая, что к нам приезжает на учение полк драгун его величества?

— Вот и пришла моя погибель, — пробормотала Эмбер и добавила чуть громче: — Вот как? Не имела ни малейшего понятия.

— Да, говорят, там есть приятные молодые люди и даже несколько вдовцов, — и выразительно посмотрела на свою протезе.

Эмбер вздохнула: мечтой госпожи Марлинг было выдать ее замуж. «Дорогая, вы весьма приятная молодая особа и не должны хоронить себя в этом имении», — постоянно говорила та.

Умом девушка прекрасно понимала, что в данной ситуации замужество было бы лучшим решением, но, будучи в глубине души романтической натурой, мечтала о браке по любви, а ее сердце упорно молчало. Да, она получила несколько предложений руки и сердца, но ни один мужчина из ее окружения не заинтересовал ее настолько, чтобы она смогла бросить сестру.

Наверное, госпожа Марлинг еще долго распространялась бы на эту тему, но в лавку вошла ее ближайшая подруга, госпожа Вюрст. Пользуясь заминкой, пока женщины приветствовали друг друга, Эмбер попросту сбежала. Она так торопилась, что, выскочив на улицу, столкнулась с мужчиной. От неожиданности девушка пошатнулась и, скорее всего, упала бы, но крепкая рука удержала ее.

— Ох, извините, — пробормотала Эмбер, поднимая голову и невольно замирая под пристальным взглядом черных глаз. На секунду ей показалось, что она смотрит в бездну. Девушка с испугом отпрянула.

Мужчина вежливо улыбнулся одними губами, подал сверток, который она уронила на мостовую, и зашагал прочь, небрежно помахивая модной тростью из черного дерева с серебряным набалдашником. Девушка вздрогнула и поспешила к своей двуколке.

Вечером Эмбер, по обыкновению, хотела отказаться от поездки на бал, который давался в здании верхней ассамблеи, но на этот раз Корнелия была непреклонна. По всей видимости, мачеха хотела унять тех, кто начал злословить про ее отношение к падчерице.

Может, девушка и не согласилась бы, но к уговорам подключилась Люси, умоляя сестру поехать с ними, и та сдалась. Достав одно из четырех своих бальных платьев, бледно-голубое с белыми лентами, Эмбер переделалась, сама уложила пепельно-русые волосы в простой узел и надела на шею нитку жемчуга — единственное украшение, доставшееся ей в наследство от матери. Натянув пожелтевшие от времени бальные перчатки, она спустилась в гостиную, ожидая остальных.

Корнелия появилась через полчаса. В отличие от падчерицы ее платье было сшито по последней столичной моде. Вопреки традициям, она пренебрегла тюрбаном, которые носили матроны, и уложила золотистые локоны в замыслова-

тую прическу. Люси шла следом за матерью. Как дебютантке, ей полагалось быть в белом.

Мачеха с надменным превосходством посмотрела на скромное платье Эмбер, шпите из муслина и неоднократно затем перешивавшееся, но промолчала. Люси наивно заметила, что этот цвет оживляет бледное лицо сестры, а та лишь сжала губы, опасаясь сказать грубость и испортить вечер. Они сели в давно ожидающую карету, кучер захлопнул дверку, и экипаж, скрипя разошедшимися колесами, покатился по разбитой подъездной аллее.

Бальный зал встретил их шумом. Музыканты играли первый вальс. Корнелия прекрасно знала, когда следует появляться, чтобы привлечь к себе как можно больше внимания. Она искренне не понимала: то, что было модно в столице, в сельском закрытом обществе рассматривалось как вызов.

Эмбер шла за ней, прекрасно понимая, что на фоне двух красавиц выглядит достаточно обыденно. И старалась не замечать осуждающие взгляды местных «столпов общества», направленные на ее мачеху.

Поздоровавшись с многочисленными знакомыми и пообещав несколько танцев друзьям детства, девушка присела на кушетку, настроившись на то, что проведет весьма скучный вечер.

— Милая, что вы не танцуете? — Фанни Марлинг находившаяся неподалеку, начала обмахиваться веером. — Хотя я вас понимаю, здесь так жарко! Эдвин, принеси нам шампанского!

Последние слова адресовались ее сыну. Застенчивый молодой человек, недавно вернувшийся из

университета, где изучал богословие, слегка покраснел, пробормотал что-то невнятное и поспешил исполнить просьбу матери.

В глубине души Эмбер молила лишь о том, чтобы госпоже Марлинг не пришлось в голову заставить сына пригласить ее на танец, такого позора она бы не пережила. К счастью, внимание ее покровительницы переключилось на Люси, танцевавшую с молодым мужчиной в военном мундире.

— Послушайте, дорогая, конечно, не мое дело, но мне кажется, вашей сестре еще рано выезжать в свет. Ей же недавно исполнилось шестнадцать.

— Возможно.

Эмбер легким кивком поблагодарила Эдвина и принялась рассматривать танцующих, пока госпожа Марлинг распространялась о приличиях.

Ее внимание привлек незнакомец, входивший в зал. Вопреки моде, он был одет во все черное. Остановившись у дверей, он внимательно рассматривал собравшихся.

Девушка узнала того самого человека, с которым столкнулась днем на улице. Краем глаза она заметила, что мачеха буквально бросила своего партнера и с радостной улыбкой устремила к человеку в черном, протягивая ему обе руки, будто старому знакомому.

От Эмбер не укрылись ни ее подобострастная улыбка, ни его слегка презрительный, скупающий взгляд. Игнорируя протянутую руку, он лишь криво улыбнулся и снисходительно кивнул Корнелии. Та даже не заметила столь явного пренебрежения. Эмбер, напротив, сузила глаза и вдрут